

ЖАН ПОЛЬ

САРТР

СТАВОК БОЛЬШЕ НЕТ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Жан-Поль Сартр
Ставок больше нет

«Издательство АСТ»

1947

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Сартр Ж.

Ставок больше нет / Ж. Сартр — «Издательство АСТ»,
1947 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-119359-1

Роман-пьеса «Ставок больше нет» был написан Сартром еще в 1943 году, но опубликован только по окончании войны, в 1947 году. В длинной очереди в кабинет, где решаются в загробном мире посмертные судьбы, сталкиваются двое: прекрасная женщина, отравленная мужем ради наследства, и молодой революционер, застреленный предателем. Сталкиваются, начинают говорить, чтобы избавиться от скуки ожидания, и... успевают полюбить друг друга настолько сильно, что неожиданно получают второй шанс на возвращение в мир живых, ведь в бумаги «небесной бюрократии» вкралась ошибка – эти двое, предназначенные друг для друга, так и не встретились при жизни. Но есть условие – за одни лишь сутки влюбленные должны найти друг друга на земле, иначе они вернутся в загробный мир уже навеки... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-119359-1

© Сартр Ж., 1947
© Издательство АСТ, 1947

Жан Поль Сартр

Ставок больше нет

*Этот сценарий был задуман в 1943 году, опубликован в 1947 году.
Тогда же режиссер Жан Деланнуа снял по нему фильм. В главных ролях
– Мишelin Прель и Марчелло Пальеро.*

Спальня Евы

Комната, в которую из-за прикрытых ставень проникает лишь полоса света.

Луч выхватывает из полутьмы женскую руку, пальцы, судорожно царапающие меховое покрывало, заставляет сверкать золотое обручальное кольцо, скользит по лицу Евы Шарлье... Ее глаза закрыты, ноздри сжаты, она стонет, мечется и явно страдает.

Открывается дверь, на пороге застывает мужчина. Элегантно одетому жгучему брюнету с прекрасными темными глазами и усиками, подстриженными на американский манер, лет тридцать пять. Это Андре Шарлье.

Он пристально вглядывается в жену, но взор излучает лишь холодное равнодушие, лишенное даже капли участия.

Он переступает порог, бесшумно прикрывает за собой дверь, осторожно приближается к Еве.

Она ничего не слышит, лежит на постели в ночной рубашке, поверх которой надето элегантное домашнее платье. Ноги укрыты меховым покрывалом.

Некоторое время Андре Шарлье рассматривает страдальческое лицо жены, затем наклоняется и тихо зовет:

– Ева... Ева...

Ее глаза не открываются. На лице гримаса боли. Она забылась сном.

Андре выпрямляется, смотрит на стакан с водой, стоящий на прикроватном столике, достает из кармана флакончик с дозатором, подносит к стакану и медленно отмеривает несколько капель.

В это мгновение Ева дергает головой, он прячет флакон в карман и впивается в спящую жену острым взглядом.

Гостиная квартиры Шарлье

В соседней гостиной у широко открытого окна стоит молодая девушка и смотрит на улицу. По проспекту грохочут сапогами марширующие солдаты.

Андре Шарлье входит в гостиную и закрывает дверь в спальню. На его лице появляется заботливое выражение.

Девушка оборачивается на звук закрывшейся двери.

Она хороша собой и юна, ей лет семнадцать, ее личико, серьезное и напряженное, не утратило детской округлости.

За окном хрипло грянула походная песня, звучащая размеренно, в такт чеканному шагу.

Девушка резко закрывает окно; видно, что она с трудом справляется с волнением.

– Так и маршируют с самого утра! – обернувшись, раздраженно бросает она.

Словно не замечая ее, Андре делает несколько шагов по гостиной и с озабоченным видом останавливается возле дивана. Девушка подходит к нему, тревожно всматриваясь в его лицо. Он бросает на нее взгляд и с полной безнадежностью отвечает:

– Спит...

– Думаете, есть надежда, что она выздоровеет?

Андре молчит.

Девушка капризно упирается коленом в диван и дергает Андре за рукав. Еще немного и она заплачет. И вдруг ее прорывает:

– Не смейте обращаться со мной как с девчонкой! Отвечайте!

Андре смотрит на свояченицу, тихонько гладит ее по волосам и со всей нежностью и сдерживаемой болью, на которые способен, шепчет:

– Вам понадобится все ваше мужество, Люсетта.

Девушка разражается слезами и утыкается головой в спинку дивана. Ее отчаяние искренне, глубоко, но по-детски эгоистично; она не более, чем избалованное дитя...

– Люсетта... – шепчет Андре.

– Оставьте меня... – трясет она головой, – оставьте... Я не желаю быть мужественной, это слишком несправедливо, в конце концов! Что станет со мной без нее?..

– Люсетта! Успокойтесь... прошу вас... – не переставая гладить ее по волосам и плечу, повторяет он. Она отстраняется, зажав голову руками и, уперевшись локтями в колени, стонет:

– Сил моих больше нет!

Андре огибает диван. Поскольку за ним никто не наблюдает, к нему вновь возвращается жесткий взгляд; он внимательно следит за поведением девушки.

– Надеешься-надеешься, и вдруг на тебе, больше надеяться не на что! С ума можно сойти... Да известно ли вам, что она для меня значит? – С этими словами Люсетта резко поворачивает голову, и лицо Андре вмиг обретает участливое выражение. – Она мне гораздо больше, чем сестра, Андре... – продолжает девушка сквозь слезы. – Это еще и мать, и лучшая подруга... вам не понять, никому меня не понять!

– Люсетта! – усаживаясь рядом с ней, шепчет Андре с нежным укором. – Это моя жена...

Она в смятении смотрит на Андре и протягивает ему руку.

– И впрямь, Андре, простите меня... Но знаете, без нее мне будет так одиноко на свете...

– А как же я, Люсетта? – Андре притягивает девушку к себе. Она доверчиво припадает к его плечу. – Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя одинокой, пока я с вами, – лицемерно говорит он. – Мы никогда не расстанемся. Я уверен, что такова воля Евы. Мы будем жить вместе, Люсетта.

Девушка успокоенно закрывает глаза и по-детски всхлипывает.

Улица заговорщиков

Взвод жандармов, подчиняющийся Правителю, сворачивает на людную улицу. Плоские кепи с коротким козырьком, обтянутые темными рубашками торсы, португепи из блестящей кожи, автоматы на ремнях – они грохочут сапогами по мостовой. Внезапно над строем взлетает походный марш. Прохожие оглядываются, расступаются, иные возвращаются в свои дома.

Женщина с коляской медленно разворачивается посреди разбегающихся в разные стороны горожан и спокойно удаляется.

Два вооруженных автоматами командира в касках идут впереди взвода... Улица пустеет, не сразу, но как-то подчеркнуто враждебно по отношению к военным. Небольшая толпа у дверей бакалейной лавки расходится, словно повинувшись молчаливому приказу. Люди заворачивают во дворы, скрываются в подъездах.

Хозяйки, обступавшие повозки зеленщиц, как по команде исчезают, а какой-то мальчуган, засунув руки в карманы, нарочито медленно пересекает улицу прямо под носом командиров...

Прислонившись к дверному косяку невзрачного дома, два молодых и крепких парня насмешливыми взглядами провожают военных.

Оба держат правую руку в кармане куртки.

Конспиративная квартира

Прокуренная, бедно обставленная комната.

Четверо мужчин, встав по обе стороны от окна, так, чтобы их не заметили с улицы, наблюдают за происходящим.

Ланглуа – высокий, костлявый, с бритым подбородком; Диксон – тощий и нервный, с бородкой; Пулен – седовласый, в очках в железной оправе; Ренодель, могучий, краснорожий, улыбающийся.

Они покидают свой пост у окна и собираются посередине комнаты у круглого, уставленного стаканами стола, за которым сидит, спокойно покуривая, Пьер Дюмен.

Худая физиономия Диксона выражает беспокойство.

– Видел? – спрашивает он у Пьера.

– Что именно? – осведомляется тот, предварительно глотнув из стакана вина.

Небольшая пауза. Пулен садится, Ренодель закуривает, Диксон бросает взгляд на окно.

– Это продолжается с самого утра. Они о чем-то догадываются... – отвечает он.

Пьер сохраняет невозмутимое спокойствие.

– Возможно, – ставя стакан на место, отзывается он. – Но уж точно не о том, что им грозит завтра.

– А не лучше ли?... – нерешительно начинает Пулен.

– Что? – резко повернувшись, обрывает его на полуслове Пьер.

– Подождать...

Поскольку Пьер раздраженно передергивает плечами, Ренодель поспешно вставляет:

– Всего три дня. С тем, чтобы усыпить их внимание...

– Струсил? – обжигает его взглядом Пьер.

– Пьер! – вздрогнув и покраснев протестует тот.

– Восстание не откладывают, – убежденно заявляет Пьер. – Все готово. Оружие роздано.

Парни в боевом настроении. Если станем ждать, рискуем не удержать их в подчинении.

Воцаряется тишина. Ренодель и Диксон садятся.

Пьер обводит строгим взглядом лица четырех товарищей и сухо спрашивает:

– Может, кто-то из вас не согласен? – Все молчат, и он продолжает: – Хорошо. Значит, завтра в десять. Вечером будем спать уже в покоях Правителя. А теперь вот что... – Присутствующие склоняются над столом, лица их напряжены, серьезны. Пьер вынимает из кармана и разворачивает карту восстания. – ...Выступление начнется в шести различных точках...

Спальня Евы

Ева по-прежнему лежит на диване с закрытыми глазами. Внезапно она поворачивает голову, широко открывает полные растерянности глаза, словно ей привиделся кошмар, и истошно кричит:

– Люсетта!

Она приходит в сознание, но мучается от сжигающего ее изнутри пламени. С усилием приподнявшись, Ева отбрасывает одеяло и садится на край постели. У нее кружится голова. Она протягивает руку и хватается за стакан с водой, стоящий на ночном столике. Залпом выпивает его содержимое и морщится.

– Люсетта! Люсетта! – зовет она слабым голосом.

Улица, на которой собираются заговорщики

– Пьер! – кричит молодой человек лет восемнадцати, бледный, нервный, явно что-то замышляющий.

Пьер только что покинул обшарпанный дом, в котором проходило заседание. Услышав свое имя, он смотрит в сторону зовущего, затем отворачивается и обращается к двум стоящим у входной двери на стreme крепким малым:

– Сейчас и другие спустятся. Можете идти. Сбор здесь, в шесть вечера. Ничего нового?

– Все тихо. Только вот этот стукачок... хотел войти, – отвечает один из них, кивком указав на молодого человека, наблюдающего за ними с другой стороны улицы.

– Люсьен? Ну и ну! – бросив снова на него взгляд и пожав плечами, произносит Пьер.

Отпустив часовых, которые быстрым шагом удаляются, Пьер подходит к своему велосипеду, привязанному цепью к колышку, и наклоняется над ним. В это время Люсьен переходит улицу.

– Пьер... – зовет он.

Тот его даже не замечает. Он снимает цепь и убирает ее под седло.

– Пьер! Выслушай меня! – умоляет паренек, подходя к Пьеру. Тот выпрямляется и молча с презрением смотрит на него. – Я не виноват... – жалобно произносит Люсьен.

Пьер рукой отстраняет его со своего пути и толкает велосипед вперед. Парень следует за ним, бормоча:

– Они истязали меня, Пьер... Часами избивали, а я почти ничего не сказал...

Пьер спокойно сходит на мостовую и садится на велосипед. Люсьен преграждает ему путь, положив руку на руль. На его лице гнев вперемешку со страхом.

– Вы слишком жестоки! – выходит из себя он. – Мне всего лишь восемнадцать, я... Если вы меня бросите, я всю жизнь буду считать себя предателем. Пьер! Они предложили мне работать на них...

На этот раз Пьер в упор смотрит на него. Люсьена бьет крупная дрожь, он цепляется за руль и срывается на крик:

– Ну, скажи же что-нибудь! Так очень удобно, ты не прошел через это! Ты не имеешь права... Ты не уедешь, не ответив мне... Не уедешь!

И тут Пьер с глубочайшим презрением бросает сквозь зубы:

– Пакостный доносчик! – И наотмашь бьет по лицу, глядя ему прямо в глаза.

Люсьен, задохнувшись, отступает на шаг, Пьер жмет на педали и уезжает. Слышится довольный смех: Ренодель, Пулен, Диксон и Ланглуа, выйдя из дома, все это видят.

Люсьен бросает в их сторону короткий взгляд, на мгновение замирает на месте и медленно удаляется. В его глазах блестят слезы ярости и стыда.

Спальня Евы и гостиная

Рука Евы покоится на ночном столике возле пустого стакана.

Она со страшным усилием приподнимается и вздрагивает от резкой боли.

Затем неверным шагом добирается до двери, открывает ее и застывает на пороге.

На диване в гостиной сидят Люсетта и Андре, девушка положила голову ему на плечо. Проходит несколько мгновений, прежде чем Люсетта замечает сестру.

– Андре... – глухо зовет Ева.

Люсетта, отпрыгнув от зятя, бросается к ней. Андре, ничуть не смутившись, встает и спокойно приближается к сестрам.

– Ева! Тебе не следует вставать... – с упреком произносит Люсетта.

– Побудь здесь, Люсетта. Я хочу поговорить с Андре с глазу на глаз, – только и отвечает Ева, поворачивается и скрывается в спальне.

Андре подходит к потрясенной Люсетте, жестом просит ее остаться и идет за женой.

Ева стоит, опираясь на ночной столик.

– Андре, я запрещаю тебе притрагиваться к Люсетте... – выдыхает она. Андре делает несколько шагов по комнате, изображая недоумение. – Бесплезно говорить с тобой об этом, – собрав все свои силы, продолжает Ева. – Знаю... Вот уже несколько месяцев я наблюдаю... Это началось, когда я заболела... Оставь ее в покое... – Ей все труднее изъясняться. – Ты женился на мне из-за моего приданого и заставил меня пережить ад... Я никогда не жаловалась, но не позволю тебе дотронуться до моей сестры... – слабея выговаривает она.

Андре невозмутимо наблюдает за ней. Ева с трудом держится на ногах и тем не менее твердо продолжает:

– Ты воспользовался моей болезнью, но я поправлюсь... Я поправлюсь, Андре. И защищу ее от тебя... – Силы оставляют ее, она падает на постель.

Становится виден ночной столик. Страшно побледнев, Андре не сводит взгляда с пустого стакана. Его лицо выражает нечто вроде облегчения.

– Я поправлюсь и увезу ее далеко отсюда... далеко отсюда... – слышится слабеющий голос Евы.

Дорога в предместье

Люсьен с мертвенно-бледным, блестящим от пота лицом и перекошенным ртом, весь во власти одолевающей его злобы, поджидает кого-то, притаившись за углом дома. Он держит руку в кармане куртки.

Метрах в ста пятидесяти, склонившись к рулю велосипеда, катит Пьер. Кроме него, на унылой дороге рабочего предместья, вдоль которой высятся недостроенные здания и заводские цеха, никого. Лишь вдали видны рабочие, толкающие тачки и разгружающие грузовики среди дымящихся труб. Пьер приближается к месту, где затаился Люсьен. Лицо Люсьена становится все более напряженным; оглядываясь, как затравленный зверь, он непроизвольно дергается и медленно вынимает руку из кармана. В ней зажат револьвер.

Спальня Евы

– Я поправлюсь... Андре, я поправлюсь... чтобы спасти ее... Я хочу выздороветь... – В голосе Евы гаснут угрожающие ноты.

Ее рука скользит по столику, пытается уцепиться за что-то и наконец бессильно падает, увлекая за собой стакан и графин.

Почувствовав слабость, она пытается опереться на столик, но валится на пол под звон бьющегося стекла...

Бледный, но по-прежнему бесстрастный Андре смотрит на тело жены, распростертое на полу.

Дорога в предместье

Раздаются два револьверных выстрела.

Пьер катится по инерции на вихляющем велосипеде еще несколько метров и замертво падает на дорогу.

Спальня Евы

Люсетта вихрем влетает в спальню. Увидев на полу тело сестры, она кричит.

Дорога в предместье

Труп Пьера лежит посреди дороги рядом с велосипедом, переднее колесо которого продолжает вращаться.

Люсьен, отчаянно крутя педалями, удирает на своем велосипеде.

Рабочие вдалеке приостанавливают работу. Они слышат выстрелы и поднимают головы, пытаясь понять, что происходит. Один из них отваживается подойти поближе.

У тела Пьера тормозит грузовик. Водитель и двое рабочих спрыгивают на дорогу. Трудяги с окрестных заводов также сходятся к месту происшествия. Вскоре вокруг тела собирается небольшая толпа. Многие узнают Пьера, со всех сторон слышится:

– Это Дюмен!

– Что с ним?

– Это Дюмен!

– Они прикончили Дюмена!

Среди всеобщего смятения никто не обращает внимания на сперва отдаленный, а затем все более близкий грохот солдатских сапог по мостовой. Как вдруг совсем рядом грянуло строевое пение.

– Кто это? – вопрошает рабочий сурового вида.

И тут с одной из улиц на дорогу заворачивает колонна военных. Рабочие один за другим выпрямляются и поворачиваются к ней лицом. Глаза их гневно сверкают.

– Сволочи! – слышится из толпы.

Взвод продолжает маршировать под бравое пение, командир тревожно всматривается в толпу рабочих. Те с угрожающим видом перегораживают дорогу. Несколько человек собирают булыжники и куски железа на обочине.

Еще несколько шагов, и командир взвода отдает предупредительный приказ, после чего командует:

– Стой!

Тело Пьера по-прежнему лежит на земле, но другой Пьер медленно встает на ноги... Он словно очнулся ото сна, машинально отряхивает рукав и поворачивается спиной к происходящему. Трое рабочих стоят к нему лицом, но не видят его.

– Эй, Пауло, что происходит? – обращается Пьер к одному из них.

Тот даже не обращает на него внимания и, протягивая руку к соседу, просит:

– Дай-ка мне.

Рабочий передает Пауло кирпич.

– Разойтись! – слышится грубый голос командира жандармов.

Никто из рабочих не реагирует.

– В воздухе пахнет дракой... – окинув взглядом два неприятельских лагеря, шепчет Пьер.

После чего невидимкой проходит между рабочими и неспешно удаляется... По пути ему попадаются люди, вооруженные лопатами и железными прутьями; все они проходят, не замечая его. Пьер недоуменно взирает на них, пока, наконец, пожав плечами и отказываясь что-либо понимать, не уходит окончательно, как раз в тот момент, когда за его спиной слышится властное:

– Назад! Приказываю разойтись!

Спальня Евы и гостиная

Андре и Люсетта подняли Еву и положили на постель.

Пока Андре накрывает ее меховым покрывалом, Люсетта, не в силах больше сдерживаться, припадает к безжизненной руке сестры и разражается рыданиями.

В эту минуту Ева дотрагивается до волос сестры, но та не обращает на это никакого внимания. Ева встает и смотрит на Люсетту...

Ее лицо выражает сострадание, не лишенное удивления, вызванного столь искренним проявлением горя... Она слегка пожимает плечами и удаляется в гостиную.

Пока Люсетта рыдает над телом сестры, Ева, по-прежнему в домашнем платье, из гостиной направляется в прихожую. Там она сталкивается с Розой, своей горничной, которая, по всей вероятности встревоженная шумом, пришла посмотреть, что происходит. Ева останавливается и наблюдает за ней.

– Роза, – зовет она.

Но та, потрясенная увиденным, убегает в подсобное помещение.

– Эй, Роза, куда это вы? – пытается она остановить ее, дивясь, что горничная, выйдя из гостиной, не отвечает, и вообще, как будто не видит и не слышит ее.

И вдруг кто-то, сначала тихо, а потом все настойчивее начинает повторять одно и то же слово:

– Лагенезия... Лагенезия... Лагенезия...

Ева возвращается в гостиную, пересекает ее и попадает в длинный коридор. Там она останавливается перед широким зеркалом, но видит в нем почему-то лишь противоположную стену и понимает, что не отражается в стекле. Пораженная, она делает шаг вперед. Ее нет...

Появляется Роза и быстро направляется к зеркалу. Она уже без белого передника, а в руках у нее сумка и шляпа.

Не видя Еву, она встает между хозяйкой и зеркалом и надевает шляпу.

Ева изумленно отходит в сторону, глядя поочередно то на Розу, то на ее отражение...

Горничная поправляет шляпу, хватает сумочку, которую положила на столик, и поспешно выходит. Ева остается одна, невидимая в зеркале...

Снова слышится медленный голос:

– Лагенезия... Лагенезия... Лагенезия...

Ева равнодушно пожимает плечами и выходит из квартиры.

Улица

Пьер идет по тротуару оживленной улицы.

Его сопровождает голос, становящийся все громче, которому вторят другие голоса, чеканно скандирующие:

– Лагенезия... Лагенезия... Лагенезия...

Пьер идет вперед... Однако между замедленностью его движений и поспешной деловитостью прохожих существует разительный контраст. Такое впечатление, что Пьер движется бесшумно, словно во сне.

Никто его не замечает. Никто его попросту не видит.

Вот встречаются двое знакомых, один протягивает руку другому. Пьер, думая, что этот жест адресован ему, также протягивает руку, но прохожие, не обращая на него внимания, отходят в сторонку, чтобы поболтать. Пьеру не остается ничего иного, как обойти их и двинуться дальше.

По лицу можно понять, что его это мало трогает и кажется смешным, хотя он и находит такие манеры не слишком вежливыми.

Еще через несколько шагов консержка с порога дома выплескивает ему под ноги ведро воды. Пьер останавливается и разглядывает свои брюки: они сухие. Все больше изумляясь, он продолжает путь.

А голос не умолкает:

– Лагенезия... Лагенезия... Лагенезия...

Пьер останавливается рядом с пожилым господином, читающим газету на автобусной остановке.

– Простите, месье... – обращается к нему Пьер.

В эту минуту голос смолкает.

Пожилый человек не поднимает головы, продолжая читать. На его лице улыбка.

– Простите, месье, – не отступает Пьер, – будьте добры, где находится улица Лагенезия?

Уголок городского сада

Ева останавливается рядом со скамьей, на которой сидит молодая женщина и вяжет, качая ногой детскую коляску.

– Простите, мадам, как мне пройти на улице Лагенезия? – любезно спрашивает она.

Молодая женщина, не услышав вопроса, склоняется над коляской и принимается играть с младенцем.

Улица

Пожилый господин продолжает, улыбаясь, читать газету.

– У меня срочная встреча на улице Лагенезия, а я не знаю, где она находится, – объясняет Пьер, повысив голос.

Пожилый господин, не отрывая глаз от газеты, смеется.

– Вас это смешит? – наклоняется к нему Пьер. И тихо, но беззлобно добавляет: – Старый хрыч!

Пожилый господин теперь уже просто заливается смехом, и Пьер повторяет чуть громче:

– Старый хрыч!

В эту минуту у остановки тормозит автобус. Его тень наезжает на пожилого господина, но не на Пьера, который так и остается стоять на солнце. Пожилый господин, с лица которого не сходит улыбка, садится в автобус, и тот уезжает.

Пьер провожает взглядом тень, отбрасываемую автобусом, снова пожимает плечами и идет дальше...

Он сходит с тротуара на мостовую, и справа от него открывается вид на странную улочку, нечто вроде пустынного весьма любопытного тупика... Ее замыкает глухая стена, фасады домов лишены окон, а перед входом в один из них стоит очередь... Кроме стоящих в очереди, на улочке совершенно безлюдно.

Дойдя до середины мостовой, Пьер поворачивает голову направо, видит эту улочку, замедляет шаг и останавливается. Он явно удивлен. За его спиной едут автомобили, автобусы, идут прохожие. А здесь тихо и безлюдно. Он поднимает взгляд, видит табличку, на которой написано:

Тупик Лагенезия

...и медленно направляется к стоящим в очереди людям.

Городской сад

Ева по-прежнему стоит рядом со скамьей, на которой сидит молодая мать, разговаривающая со своим малышом. Ева улыбается, глядя на него, и повторяет вопрос:

– Так вы не подскажете мне, где находится улица Лагенезия? У меня там назначена встреча, правда, не знаю, с кем и по какому поводу...

Молодая мать полностью сосредоточена на своем малыше:

– А тю-тю, Мишель! А кто у нас маленький Мишель? А кто у нас сыночек?

Ева пожимает плечами и идет дальше...

Выйдя из сада, она сходит с тротуара и... видит перед собой узкую улочку, в глубине которой собрались люди... Некоторое время она рассматривает тупик, там царит тишина, хотя за ее спиной в городском саду людно и шумно, после чего читает на табличке:

ТУПИК ЛАГЕНЕЗИЯ

Тупик Лагенезия

Человек двадцать, построившись попарно, ожидают своей очереди, стоя перед входом в какую-то контору. Тут собрались люди всех возрастов и социальных положений: рабочий в кепке, пожилая дама, красавица в меховом манто, воздушный гимнаст в облегающей фигуру цирковом трико, солдат, господин в котелке, бородатый старичок с трясущейся головой, два жандарма в униформе, кто-то еще и последний в очереди – Пьер Дюмен.

Фасад дома, в котором расположена контора, темный; судя по всему, темно и внутри. Снаружи никакой вывески.

Проходит несколько минут, и под дребезжащий звук колокольчика дверь сама собой открывается. Первый в очереди входит в дом, и дверь беззвучно закрывается за ним.

Ева машинально идет вдоль вереницы людей, и те тотчас взрываются:

– Встаньте в очередь!

– Что она себе позволяет!

– Это уж слишком!

– Она что, больше других торопится?

– В очередь! В очередь!..

Ева останавливается и с улыбкой обращается к собравшимся:

– Так вы, значит, меня видите? Вы не слишком любезны, но все равно приятно.

– Ну, разумеется, видим, – набрасывается на нее сердитая толстуха. – И не пытайтесь пролезть вперед других.

Только Пьер ничего не говорит и смотрит на Еву.

Снова дребезжит колокольчик, и очередь подвигается еще на одного человека.

Ева покорно возвращается в ее конец.

Пьер наблюдает за ней. Он стоит рядом со старичком, у которого трясется голова. Снова дребезжит колокольчик, дверь открывается, мужчина и женщина, толкая друг друга, проходят в дом. Пьер и старичок подвигаются вперед. Пьер с нарастающим раздражением разглядывает своего соседа.

– Вы можете стоять спокойно? Не трясать головой? – не в силах дольше сдерживаться, бросает он.

Старичок лишь пожимает плечами.

Еще несколько минут ожидания, снова дребезжит колокольчик, застекленная дверь открывается и захлопывается за вошедшим Пьером. Очередь подвигается еще на одного человека.

Пьер без колебаний минует пустое, заставленное пыльными стойками помещение, и направляется дальше...

В конторе

Распахнув дверь, Пьер делает несколько шагов к письменному столу, за которым сидит какая-то дама. Керосиновая лампа освещает помещение. Дневного света, проникающего из узкого окошка, выходящего во внутренний двор, явно недостаточно.

Стены увешаны медальонами, гравюрами, картинами, на которых, насколько можно судить, изображен один и тот же сюжет: тупик Лагенезия.

– Простите, мадам... У меня с вами назначена встреча? – спрашивает Пьер.

За столом сидит дебелая пожилая дама с лорнеткой в руке. Перед ней лежит огромная раскрытая регистрационная книга, на которой устроился толстый черный кот.

– Ну да, месье, – разглядывая Пьера в лорнетку, приветливо улыбается она.

– В таком случае, объясните мне... – продолжает Пьер, глядя кота, который потягивается и трется об его руку. – Почему я здесь оказался?

– Регулус! – одергивает кота дама. – Оставь господина в покое! – Пьер с улыбкой берет кота на руки. – Я вас, месье, не задержу... Вы мне понадобились для сущей формальности относительно вашего нынешнего состояния, – говорит она, сверяясь с книгой актов гражданского состояния. – Вас зовут Пьер Дюмен?

– Да, мадам, но я... – удивленно бормочет Пьер.

Чиновница степенно переворачивает страницы книги.

– Да, да, ди, ди, до, дю... Дюмен, вот и вы... Год рождения тысяча девятьсот двенадцатый?

Пьер несказанно изумлен; кот пользуется его замешательством и карабкается ему на плечо.

– Да, июнь тысяча девятьсот двенадцатого...

– Работали помощником мастера на литейном заводе в Ансвере?

– Да.

– И были убиты сегодня утром в десять часов тридцать пять минут?

Услышав этот вопрос, Пьер, покачнувшись, хватается обеими руками за край стола и потрясенно взирает на пожилую даму. Кот спрыгивает на книгу.

– Убит? – недоверчиво переспрашивает Пьер.

Дама любезно кивает. Пьер резко откидывается назад и принимается хохотать.

– Так вот как... Вот как... Да... Я умер. – Его хохот прерывается так же внезапно, как начался, и он весело осведомляется: – И кто же меня убил?

– Секундочку... – Дама прогоняет лорнеткой кота, снова разлегшегося на книге. – Ну же, Регулус, ты уселся на имя убийцы. – И, разобрав написанное, сообщает Пьеру: – Вот, нашла: вы были убиты Люсьеном Держё.

– Ах, подлец! – только и произносит Пьер. – Смотри-ка, не промахнулся.

– В добрый час, – с улыбкой говорит чиновница. – Вы правильно относитесь к случившемуся. Хотелось бы и обо всех других, приходящих сюда, сказать то же самое.

– Им что, не по нраву быть мертвыми?

– Да, есть такие мрачные личности...

– Понимаете, у меня никого не осталось, потому я и спокоен, – поясняет Пьер и принимается возбужденно расхаживать по комнате. – И потом, главное – завершить то, что тебе было предназначено сделать, – рассуждает он, обернувшись на пожилую даму, скептически наблюдающую за ним через лорнетку. – Вы так не думаете?

– Я, знаете ли, просто служащая... – Перевернув книгу, она подвигает ее Пьеру: – Прошу вас расписаться...

Пьер несколько секунд находится в замешательстве, но потом возвращается к столу, берет перьевую ручку и ставит подпись.

– Ну, теперь уж вы точно умерли, так сказать, по всем статьям, – объявляет пожилая дама.

Пьер выпрямляется, ему слегка не по себе. Он кладет ручку на стол, гладит кота и интересуется:

– А куда я должен идти?

– Да куда хотите, – пожимает плечами пожилая дама, но когда он собирается выйти через ту дверь, в которую вошел, указывает на другую, сбоку: – Нет, туда...

Пока он закрывает дверь, пожилая дама поправляет лорнетку, сверяется с книгой записей гражданского состояния и дергает за невидимый шнурок. Слышится отдаленное дребезжание колокольчика, приглашающего следующего посетителя.

Тупик

Пьер открывает низкую дверь, выходит, оглядывает грязное и ветхое строение, в котором расположена контора, и делает несколько несмелых шагов, держа руки в карманах. Он явно не до конца осознает, что с ним произошло.

Метрах в двадцати тупик выходит на широкий проспект, на котором царит оживление, проносятся машины, снуют пешеходы. А здесь всего лишь несколько озабоченно спешащих человек; однако кроме них есть еще с десятков мертвых – они сидят, стоят, прислонившись к стенам домов, или беззаботно прогуливаются, разглядывая витрины.

Два или три умерших из отдаленных эпох, одетых по моде своего времени, оборачиваются на Пьера и негромко обсуждают его между собой.

Тупик и площадь

Пьер медленно идет вперед, но вдруг слышит за спиной:

– Месье, добро пожаловать к нам. – Судя по голосу, слова произнесены человеком явно немолодым.

Пьер оборачивается и видит группу людей в костюмах различных эпох: тут и бравые мушкетеры, и томные романтики, и его современники, и среди них старик в треуголке, одетый по моде XVIII столетия. Видно, что он благородных кровей.

– Вы новенький? – любезно интересуется он.

– Да... А вы?

– Я был повешен в тысяча семьсот семьдесят восьмом году, – улыбаясь и указывая на свой костюм, отвечает старик. Пьер сочувственно склоняет голову перед прискорбным фактом. – Это произошло в результате судебной ошибки... впрочем, какая теперь разница... Намерены ли вы заняться чем-то определенным? – Поскольку вопрос застаёт Пьера врасплох, тот самодовольно поясняет: – Ну... например, удостовериться, как принимает вашу смерть супруга – оплакивает вас или наставляет рога, взглянуть, бодрствуют ли ваши дети над вашими останками, по какому разряду вас собираются похоронить...

– Нет, нет. Все будет замечательно и так, – прерывает его Пьер.

– Слава богу. Не желаете ли взять меня в провожатые?

– Вы очень любезны... – шепчет Пьер.

– Ну, что вы, сделайте одолжение, – доброжелательно говорит старик, увлекая его за собой. – У нас заведено дожидаться новеньких и вводить их в курс дела. Да и для нас самих какое-никакое развлечение.

Дойдя до того места, где тупик выходит на проспект, они останавливаются. Пьер с интересом разглядывает происходящее вокруг. Он снова засунул руки в карманы.

Пестрая толпа кружит по площади, живые и мертвые вперемешку.

Мертвые одеты в костюмы всевозможных эпох, слегка потертые и линялые.

В отличие от живых, куда-то поголовно спешащих, мертвые просто слоняются с чуть пристыженным и невеселым видом. Большинство, впрочем, сидят или стоят, вжавшись в стену, перед витринами, в проемах дверей.

– Надо же, как много народу! – поражается Пьер.

– Не больше, чем всегда, – отзывается его провожатый. – Просто теперь, пройдя регистрацию, вы видите еще и мертвых.

– А как их отличать от живых?

– Очень просто: живые всегда спешат. – В это время мимо них быстрым шагом проходит человек с портфелем под мышкой. – Вот этот, к примеру... Этот точно живой.

Тот, о ком шла речь, прошел так близко от них, что, будь он мертвым, наверняка услышал бы их разговор.

Пьер провожает его взглядом. Он учится отличать живых от мертвых, и это доставляет ему некоторое удовольствие. Они обгоняют накрашенную женщину в короткой юбке, которая идет медленнее, чем они. Пьер разглядывает ее, пытаясь понять, к какому разряду – мертвых или живых – ее отнести. Женщина явно его не видит. Пьер бросает на своего спутника вопрошительный взгляд, делая легкий жест в сторону прохожей.

– Живая! Живая! – трясет головой старик.

Пьер разочарованно разводит руками, а женщина тем временем подходит к спешащему мужчине.

– Не переживайте, вы быстро освоитесь, – говорит старик, подметивший разочарование Пьера.

Они продолжают идти вперед, но вскоре останавливаются, поскольку навстречу им движется небольшая толпа.

Во главе ее выступает тщедушный человечек дегенеративного вида. За ним следует его благородное потомство по мужской линии, начиная со Средних веков, все как на подбор осапные и рослые молодцы.

Живой отпрыск этого знатного семейства останавливается посреди улицы, чтобы закурить; потомки замирают позади него, не спуская с него глаз.

– Что за карнавал? – спрашивает Пьер, не в силах сдержать любопытства.

Но стоит ему произнести эти неосторожные слова, как кое-кто из свиты предка обращает на него яростный и уничтожающий взор.

– Весьма и весьма знатный род, потомственное дворянство. Следуют за продолжателем рода... – пояснил старик.

– Что-то он не больно хорош собой, – тихо замечает Пьер, – они вряд ли им гордятся. Почему же ходят за ним по пятам?

– Ждут, когда помрет, чтобы как следует ему всыпать, – пожимает плечами провожатый.

Между тем дегенерат с важным и тупым видом идет дальше с сигаретой в руке, а предки, не спускающие с него внимательных и полных отчаяния глаз, торопятся за ним.

Пьер и старик, продолжая прогуливаться, переходят на другую сторону проспекта.

Когда они находятся на проезжей части, откуда-то вылетает автомобиль и несется прямо на них, старик успевает прошмыгнуть перед самым капотом, не обратив на него никакого внимания, а вот Пьер шарахается в сторону.

– Постепенно привыкнете... – снисходительно улыбается старик.

Пьер сконфуженно улыбается, и они продолжают путь.

В конторе

Ева сидит на стуле перед письменным столом. На ее лице тревога.

– Вы уверены? Вы не ошиблись? – взволнованно спрашивает она.

Пожилая дама, чье равнодушное и вежливое спокойствие так контрастируют с нервозностью Евы, с достоинством отвечает:

– Я никогда не ошибаюсь. Это входит в мои профессиональные обязанности.

– Он меня отравил? – переспрашивает Ева.

– Ну да, мадам.

– Но почему? Почему?

– Вы его стесняли, – отвечает та. – Приданое ваше у него в кармане. Теперь ему требуется приданое вашей сестры.

– А Люсетта в него влюблена! – заламывая руки шепчет убитая Ева.

– Примите мои соболезнования... Не сообразовали ли поставить подпись? – приняв соответствующее обстоятельствам выражение лица, просит чиновница.

Ева встает, рассеянно склоняется над столом и ставит подпись.

– Превосходно, – подводит итог пожилая дама, – отныне вы мертвы по всем статьям.

– А куда мне теперь? – нерешительно осведомляется Ева.

– Куда хотите. Мертвые свободны.

Ева, как и Пьер, неосознанно направляется к двери, через которую вошла, но чиновница указывает ей на другую:

– Нет, вам туда...

Поглощенная своими переживаниями Ева покидает контору.

Улица

Ева печально бредет по улице, опустив голову и сунув руки в карманы домашнего платья.

Ее не занимает происходящее вокруг, она не смотрит на прохожих, живых и мертвых, попадающихся ей на пути... Как вдруг слышит голос уличного зазывалы:

– Дамы и господа, еще несколько франков, и вашим глазам предстанет нечто сенсационное... Одной рукой, только одной рукой Алкид поднимет вес в сто килограммов. Я не ошибся, сто килограммов, сто...

Вокруг ярмарочного силача – здоровяка в розовом трико, с вызывающей величины усами и завитками волос на висках – образовался кружок зевак. Пока зазывала представляет его публике, он застыл в выразительной позе.

Удостоив здоровяка взглядом, но не остановившись, Ева обходит толпу зевак.

В последнем ряду, среди любопытных находятся и Пьер со стариком-проводником.

– Пойдемте отсюда, – обращается к нему старик, – есть кое-что и поинтереснее... У нас свой клуб...

– Минутку, – раздраженно отзывается Пьер, – я всегда любил смотреть на силачей.

Ева тоже останавливается, глядя на здоровяка.

– Дамы и господа! Смелее! Вы же не захотите обойти вниманием тяжелую атлетику. Еще двенадцать франков, и представление начнется. Двенадцать раз по двадцать су! Один франк справа? Один слева? Спасибо. Еще десять франков, и мы начнем!

Взгляд Евы случайно падает на девочку лет двенадцати. Из корзины в ее руках торчат пакет с молоком и дамский ридикюль весьма потрепанного вида, в котором наверняка лежат деньги. Ее послали за покупками, а она задержалась, чтобы посмотреть на представление.

Девочка не замечает юного воришку за своей спиной, который собирается ее обокрасть.

Небрежно озираясь, он протягивает руку и ловко вытаскивает сумочку из корзины.

– Эй, малышка, тебя обворовывают! – кричит Ева, наблюдая за его действиями.

Пьер живо поворачивает к ней голову и переводит взгляд на девочку.

Ева заметила его реакцию и обращается к нему:

– Остановите его! Да остановите же!

Старик выразительно толкает Пьера локтем.

Воришка уже преспокойно удаляется...

– Держи вора! Держи вора! – кричит Ева, указывая на него рукой.

Пьер с любопытством разглядывает ее.

– Эта дама тоже новенькая, – говорит старик.

– Да... до нее еще не дошло... – несколько самодовольно отзывается Пьер.

– Да сделайте же что-нибудь! – обращается Ева к Пьеру. – Что тут смешного? Остановите его!

Пьер со стариком переглядываются.

– Мадам еще не свыклась... – произносит Пьер, обращаясь к ней.

– Как вы сказали? – удивляется Ева. – Не свыклась с чем? – Она смотрит то на одного, то на другого, и вдруг начинает понимать. Теперь у нее растерянный и обескураженный вид. – Ах да, верно... – шепчет она, – верно.

Пьер и Ева какое-то мгновение с интересом разглядывают друг друга, но тут же переводят взгляды на девочку.

Та только что заметила пропажу сумочки. Она все более лихорадочно роется в корзине, заглядывает даже в пакет с молоком, ищет под ногами зрителей, после чего выпрямляется: ее личико бледно, рот искривился, на ставших огромными глазах блестят слезы.

Все трое молча взирают на ребенка. Старик, у которого, казалось бы, чувства давно должны были притупиться, потрясен...

Сделав несколько шагов, девочка падает на скамью и принимается рыдать, обхватив голову руками.

– Бедное, бедное дитя, – шепчет Пьер. – Что ее ждет по возвращении домой... – И добавляет, впервые с ноткой горечи в голосе: – Да, вот так-то!

– Вот так-то! Это все, на что вы способны? – вскипает Ева.

– А что я, по-вашему, должен делать? – силясь скрыть волнение за напускной развязностью, отвечает Пьер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.